

Мы из губрозыска

Автор:

Дмитрий Дашко

Мы из губрозыска

Дмитрий Николаевич Дашко

1921-й год, НЭП делает первые шаги. Уголовный элемент, пользуясь тем, что молодой советской республике, находившейся в кольце врагов, было не до него, поднял голову: убийства, разбои, кражи, мошенничество. Буйным цветом расцвела воровская «малина». Сотрудник уездной милиции Пётр Елисеев проявил себя в операции по поимке особо опасного преступника и был отправлен на усиление в губернский уголовный розыск. Его наставником стал более опытный товарищ – агент губро Колычев. И в первом же совместном деле сыщики столкнулись с дерзкими преступниками, прекрасными знатоками психологии. А где-то поблизости орудует банда жестоких «дровосеков», которые не оставляют свидетелей в живых. Отыскать их становится делом чести для сотрудников губрозыска.

Дмитрий Дашко

Мы из губрозыска

© Дашко Д., 2017

© ИК «Крылов», 2017

* * *

Мои искреннее спасибо всем, кто поддерживал меня и помогал в работе над книгой.

Евгению Васильевичу Шалашову – за помощь с поистине уникальными материалами и консультации по многим историческим вопросам;

Сезину Сергею Юрьевичу – за многочисленные советы и очень ценную информацию исторического характера;

Большакову Роману – за пристальное внимание к моей работе над текстом и профессиональные советы в юридической и исторической части;

Читателям, которые на протяжении многих лет следят за моими книгами и покупают их!

С удовольствием общаюсь с вами на http://vk.com/dashko_books (http://vk.com/dashko_books).

Ваш Дмитрий Дашко

Глава 1

Курьерский из Петрограда запаздывал. Хотя от курьерского в том поезде было разве что название. В прежние времена состав на большой скорости пролетал Нивинский полустанок, а сейчас мало того, что полз, как черепаха, так еще и останавливался на каждом углу. И публика в поезде была совсем другая. Никаких тебе бывших хозяев жизни: обычный трудовой народ от крестьян до совслужащих.

Сыщики, чтобы не мозолить глаза, спрятались в лесочке, выбрав место, откуда хорошо просматривался пустой перрон.

Комаров в июне тысяча девятьсот двадцать первого развелось видимо-невидимо. Они густой тучей нависли над четверкой сидевших в засаде мужчин, и ели бы не дымный самосад, которым поделился щедрый Пантюхин, дела стали бы совсем плохи.

– Вот же твари! Так и норовят попить кровушку из трудового народа! – хлопнул себя по мясистой шее старший отряда – Колычев, агент Железнодорожного [1 - Прошу читателя не искать города с таким названием на карте. Железнодорожск – собирательный образ северного города тех лет, в котором знающий человек может обнаружить черты, присущие литературной столице нашей родины – патриархальной красавице Вологде и индустриальному Череповцу.] губрозыска [2 - Губернский уголовный розыск.].

Трех милиционеров из Нивинской волости (почти весь штат, за исключением начальника волостной милиции) ему дали в подчинение для выполнения особо важного задания.

– Не насекомые, а прямо буржуазные элементы какие-то! – добавил он, снова проведя по загривку. – У! Кровопивцы, в душу их мать!

– А ты сильнее затягивайся, да дым большими кольцами выпускай. Учись у меня, – усмехнулся Пантюхин.

Он пыхнул и тут же окутал себя огромным облаком вонючего дыма.

– Завидую твоим легким, – покачал головой Колычев. – Тебя вместо паровоза запрягать можно.

– От меня рази только дым да копоть одна. Но могу у попа заместо кадила поработать.

Дым скрыл от всех кривую усмешку Колычева.

Уже перевалило за полдень, на небо набежали угрюмые тучки, затянув солнце серой пеленой. Комары только того и ждали, набросились с удвоенной силой.

– Как бы не залило нас, – вздохнул Пантюхин. – Вон, птицы низко залетали. Верная примета – быть дождю.

Он жадно докурил самокрутку и с сожалением бросил окурочок под ноги, чтобы растоптать подошвой ботинка.

– Эй, казачок, как дела? – спросил агент. Вопрос адресовался Петру Елисееву. Из всех сидевших в засаде только он производил впечатление человека служивого. Стройный, широкоплечий, с густым казацким чубом, выбивавшимся из лихо заломленной набок фуражки с синим околышем. Одет в выцветшую гимнастерку, подпоясанную кожаным ремешком, и галифе. На ногах щегольские сапоги-гармошка, которым сноса не было.

Сам Колычев больше походил на мастерового, коим, в сущности и являлся, до того как по разнарядке угодил из депо по первой в ЧОН[З - ЧОН – части особого назначения. Формировались для оказания помощи органам Советской власти. Часто привлекались для охраны важных объектов, в операциях ЧК и милиции. Прекратили свое существование в 1925-м.], а потом на милицейские курсы. Закончив их, оказался в губрозыске, где в скорости стал считаться одним из лучших сотрудников.

Пантюхин и Рожнов, последний из их компании, обликом и одеждой не отличались от подавляющего большинства крестьян. Разве что на боку у Пантюхина висела кобура с револьвером, а Рожнов взял на операцию трехлинейку с примкнутым штыком, но кого удивишь в эти тревожные времена оружием. Почитай, у каждого второго в хозяйстве надежно припрятан обрез, а то и целый пулемет.

«И публика в поезде была совсем другая. Никаких тебе бывших хозяев жизни: обычный трудовой народ от крестьян до совслужащих».

В свое время это здорово аукнулось властям. Когда в восемнадцатом в уезде вспыхнул кулацкий мятеж, прибывшие на усмирение воинские части изъяли у мужиков винтовок и патронов на стрелковую дивизию. И это только то, что

удалось найти в результате коротких поисков. Страшно подумать, сколько еще зарыто-закопано и может быть однажды извлечено на свет божий.

Впрочем, советская власть не дремала, предупредительно гася возникавшие то тут, то там стихийные волнения. Былого размаха они, конечно, не имели, но не все еще поняли, что Советы пришли всерьез и надолго.

– Все по-старому, – отозвался Елисеев. – Состава не видно.

Немного подумав, спросил:

– А этот Чеснок точно сегодня должен приехать? Никакой ошибки?

Колычев важно кивнул.

– Даже не сомневайся.

И принялся пояснять:

– Наколочка верная. У Чеснока здесь брат живет. И такое понимаешь, жизненное обстоятельство: у брата на завтрашний день свадьба назначена. А дальше все просто: не может Чеснок такого события пропустить, обязательно наведается. Характер у него такой.

– Завтра, говоришь... – Елисеев прикрыл глаза. – Это что ж получается, Чеснок – Васька Никитин, брат Савелия Никитина? Так что ли?

– Знаком с ним? – заинтересовался агент.

– Доводилось сталкиваться на кривой дорожке, – не стал вдаваться в подробности Елисеев.

– Еще как доводилось. Семейка у них еще та. Оторви да выбрось. Тот, который Савелий, злостный самогонщик, – пояснил Пантюхин. – Никакой совести у человека нет. Гонит огненное зелье в промышленных, так сказать, плепорциях. Мы уже и штрафовали его, и аппарат конфисковали, и арестом припугнули. Ничего не берет! Как гнал, так и гонит.

– Не грусти! Возьмем Чеснока, а вместе с ним для комплекта и братца-самогонщика, – заверил Колычев.

– Если будет за что, – тихо произнес Елисеев, но агент его услышал.

– Найдется за что. Не за одно, так за другое, – убежденно произнес он. – Может, за самогон привлечем, а может, и ...

Рев приближающегося паровоза оборвал его на полуслове.

Милиционеры напряглись, прекрасно понимая, что им сейчас предстоит. То, ради чего их сюда выдернули кормить комаров. То, зачем из губернской столицы приехал агент уголовного розыска. Будет не до шуток, это даже юнцу понятно.

Трое милиционеров юнцами не были.

– Внимание, товарищи, – враз посерьезнел Колычев. – Слушай мою команду. Брать Чеснока будем тихо и аккуратно, чтобы не спугнуть заранее. Мне за ним уже надоело гоняться.

– Оружие у него есть? – спросил Елисеев.

– А как же! – поморщился агент. – Он без ствола из дома не выходит. Ну а за голенищем сапога у него ножик и, можешь не сомневаться, порезать человека для Чеснока – дело плевое.

– И не таких обламывали, – самоуверенно сказал Пантюхин, но те, кто был с ним хорошо знаком, услышали бы в его голосе нотки тревоги.

Не особо-то большой был опыт задержания матерых бандитов у обычного волостного милиционера. Такая птица в их краях попадалась нечасто.

Состав замер у платформы. Паровоз зашипел, разводя пары, и через минуту тронулся, оставив перрон пустым, не считая высокой фигуры в серой армейской шинели и с «сидором» на плечах.

– Он? – спросил Колычев, прекрасно зная ответ.

Елисеев кивнул. Чеснока он узнал сразу, пусть и давно не видел.

Фигура заозиралась и, убедившись, что никто на перроне никого нет, зашагала в сторону сидевших в засаде.

– Я ж говорил, что место правильно выбрали, – довольно сказал Пантюхин. – Мимо нас не пройдет. Тут его и сцапаем.

– Старайтесь не смотреть на него, – прошептал Колычев. – Вдруг взгляд почувствует... У воровского люда чуйка обостренная. Всегда на взводе.

Бандит шел беспечной походкой, с каждым шагом все ближе подходя к сидевшим в засаде милиционерам. Елисеев, вопреки инструкции начальства, пристально всмотрелся в Чеснока.

М-да, а ведь не скажешь, что перед тобой опасный преступник. В губрозыске считают, что на Чесноке минимум три убийства. Одно из них весьма зверское: Чеснок разделал топором аптекаря так, что жена не узнала. Колычев показывал фотографии: на них были куски мяса.

Лицо у гражданина Никитина вполне добродушное, на щеках и носу – озорные детские веснушки, в маленькой бородке клинышком терялась безмятежная улыбка честного человека, у которого на совести нет никаких грехов. Взгляд веселый и спокойный, легкая поступь уверенного в себе и физически сильного мужчины.

Чеснок насвистывал какой-то прилипчивый мотивчик. Елисеев определенно где-то слышал эту мелодию, но память не желала подсказывать, где и когда.

Мотивчик оборвался на середине, когда дорогу бандиту перегородил Колычев с отливающим никелем «Смит и Вессоном» в руках. Елисеев удивился, увидев в руках агента это не самое серьезное оружие. Да, выглядит красиво и смотрится эдакой игрушечкой, но в остальном... Однажды зимой Петр на спор выпалил из такого же в стоявшую шагах в пяти от него старую березу. Пуля, ударившись в стылую древесину, отскочила и упала ему под ноги.

– Гражданин Никитин, вы арестованы, – с торжеством в голосе произнес Колычев.

Он наставил револьвер на Чеснока. Выражение лица у того не изменилось.

Странно, подумал Елисеев, Чеснок словно предвидел эту встречу и подготовился к ней. Вон, какая спокойная физиономия. Ни один мускул не дрогнул. Его выдержке можно было позавидовать.

– А вы, простите, кто? – пристально взглянув на Колычева, спросил преступник.

– Губрозыск. Мы за тобой уже месяц гоняемся.

– Губрозыск... Вот оно что... Ладно, ваша взяла, – вздохнул Чеснок. – Сдаюсь я.

И такая была покорность в его словах, что агент на какое-то мгновение допустил ошибку, отведя ствол в сторону от бандита. А может, понадеялся на товарищей из уездной милиции.

Никто не ожидал от Чеснока такой прыти. Миг, и револьвер Колычева оказался в густой траве, а сам агент согнулся от предательского удара в пах. Рожнов ткнул штыком, метя в живот бандита, но Никитин успел схватиться за ствол трехлинейки и дернул его на себя. Милиционер, потеряв равновесие, полетел в кусты. И тут же вслед ему прогремел выстрел. Чеснок действовал молниеносно, успев выхватить из кармана шинели «браунинг» и нажать спусковой крючок.

Брать живым, вспомнил Елисеев одно из наставлений Колычева. Живым, несмотря ни на что. Губрозыск надеялся через Чеснока выйти на шайку, давно наводившую страх на всю губернию.

Время спрессовалось в короткий миг, когда Петр ринулся на Чеснока. Тот уже направлял ствол на милиционера, палец ложился на вороненый спусковой крючок... Елисеев пригнулся, «браунинг» бахнул прямо над головой, сорвав фуражку. Петр головой протаранил грудь бандита, боднув его, словно бычок.

Они повалились вместе. Милиционер оказался сверху, увидел перед собой полные злости глаза, налившиеся кровью.

- Получи, сука!

Кулак врезался прямо в нос Чеснока, расквасив его и превратив в нечто невообразимое.

- Еще, гад!

Он ударил бы и во второй и в третий раз, но тут его руку перехватил Колычев.

- Отставить! Отставить, кому я сказал! Мне его еще допросить нужно!

Петр с трудом оторвался от окровавленной рожи, в которой не осталось и следа от прежней ненависти. Только дикий ужас во взгляде.

- Рожнову помоги, - приказал оперативник. - Ему вроде досталось.

Он с легкостью поднял Чеснока и завернул его руку хитрым приемом.

- Пусти, больно! - взвыл преступник.

Агент стукнул его револьвером по ребрам.

- Больно ему! - с иронией сказал сыщик. - Сам виноват! Не вздумай трепыхаться - руку сломаю!

Только сейчас все вспомнили о Пантюхине. Тот стоял как соляной столб, не в силах пошевелиться. На покрасневшем лице выступила испарина.

- Испугался? - с короткой усмешкой спросил Колычев. - Бывает. Я сам, когда в первый раз жулика брал, чуть в штаны не наделал.

Он толкнул Пантюхина плечом.

- Проснись, тетеря. Закончилось все.

– Не закончилось, – сказал Елисейев. – Надо еще эту сволочь в город доставить. И Рожнова до больницы довести. На минуты счет идет.

В подтверждение его слов, раненый застонал.

– Успеем, – пообещал Колычев. – Должны успеть.

Агент ошибся, Рожнов умер по дороге в больницу.

В вещмешке арестованного среди подарков, которые Чеснок вез на свадьбу брату, отыскались украшения, проходившие сразу по нескольким разбойным делам в губернии. Агент узнал по описанию сережки супруги убитого аптекаря.

На другой день Петр сажал Колычева на поезд, идущий в Железнодорожск. Тот успел узнать у Чеснока все, что было нужно, и теперь рвался в губернскую столицу со свежими новостями.

Перед тем, как заскочить в вагон, он крепко пожал руку Елисейеву.

– Скоро свидимся, паря!

– Опять в наши края собираешься? – не понял милиционер.

– Нет. Теперь уже ты к нам. Я о тебе слово замолвлю. Нам такие кадры нужны. Жди со дня на день вызова.

Глава 2

Прошло две недели. Петр уже запомнил о словах Колычева, да и, если сказать по правде, не очень-то рвался в город. Нивино было его родиной, здесь он знал всех и все его знали. Жизнь давно наладилась, вошла в привычную колею. Особого смысла что-то менять не было.

Служба в милиции его не тяготила. Пусть зарплата и оставляла желать лучшего, и выдавали ее с задержками, однако холостому и малопьющему Петру хватало. Еще и оставалось, чтобы отложить немного на черный день.

И обязанности были простыми и понятными: следить за порядком, ловить самогонщиков и конокрадов. Убийства в волости бывали редко, и, уж если и приключилось какое, долго искать душегуба не приходилось. За редким исключением оно происходило у всех на глазах, и свидетелей хватало. Не поделят промеж себя мужики и парни из соседних деревень во время религиозного праздника, схлестнутся в пьяной драке, а, перед тем как угомонятся, обязательно одного-двух не убьют, так покалечат.

По этой причине Петр праздники не любил. Кому веселье, а кому сплошная нервоотрепка.

Начальник волостной милиции Павловцев тоже недолюбливал праздники. Они портили всю отчетность, за которую он потом получал выволочку из района и уезда. Врать, как это делали некоторые неосознательные товарищи из других волостей, Павловцев не научился. Точно так же не умел скрывать свои чувства, и потому, вызвав к себе с утра пораньше Елисеева, разговор начал с трехэтажного ругательства.

– Чего материшься, Егорыч? – спросил Петр, удивлено разглядывая не на шутку раздухарившегося начальника.

Вместо ответа тот сунул ему мятый листок бумаги. Если б не большая гербовая печать, Елисеев принял бы этот бумажный огрызок за простой кусок обоев. Но, как выяснилось, это было официальное распоряжение из губернии, в котором начальник губрозыска требовал в срочном порядке направить к нему старшего милиционера Петра Елисеева для «усиления штатов».

– Может, ошибка? – предположил Петр, возвращая документ.

– Скажешь тоже! Там же черным по белому все расписано, кого и куда послать. А у меня самого теперь дыра в штатном расписании! Рожнова убили, тебя в город затребовали! Где я вам замену найду?!

Павловцев чуть не рвал на себе волосы, и его можно было понять.

До осени 1919-го проблем с набором в милицию не было. Сотрудников не призывали на службу в Красную армию, люди шли в органы внутренних дел с охотой. Вскоре ситуация изменилась. В октябре девятнадцатого года почти треть губернских милиционеров направилась на фронт. Вернулись далеко не все. В итоге начался кадровый голод, сотрудникам пришлось работать за себя и того парня. Даже высокая безработица не сделала службу в милиции привлекательней. Туда шли те, кто искренне желал искоренить преступность и те, кого направили партийные и комсомольские ячейки.

К сожалению, хватало и любителей половить рыбку в мутной воде, но с ними боролись самым жесточайшим образом. Совсем недавно по рядам милиции прокатилась большая чистка, много грязных на руку сотрудников оказалось на тюремных нарах, а кое-кто пошел и по расстрельной статье.

Павловцев был человеком исполнительным, потому вскоре успокоился, его мысли потекли в деловом направлении.

– Ладно. Ничего не попишешь. На сегодня я тебя от службы освобождаю. Ступай домой и готовься.

– Спасибо, Егорыч! Я тогда побежал...

«И обязанности были простыми и понятными: следить за порядком, ловить самогонщиков и конокрадов».

– Давай! Жаль расставаться с тобой! – признался Павловцев. – Чует сердце, навсегда тебя забирают. Уж не знаю, свидимся ли еще...

– Свидимся, – засмеялся Елисеев. – Что за похоронные настроения, товарищ начальник! Ты меня будто на тот свет провожаешь!

– Для меня разницы никакой. Если там не устроишься, возвращайся смело. Я тебя с огромной радостью назад приму, – пообещал Павловцев.

– Когда выезжать, Егорыч?

– Написано ж, «в срочном порядке». Завтра отправляйся, чего кота за усы тянуть! Я сейчас все бумаги выправлю.

– Понял, Егорыч! Спасибо тебе! Приходи вечером ко мне, отвальную буду устраивать, – пригласил Елисеев.

– Обязательно приду. Не каждый день лучшего сотрудника провожаю. Заодно документы принесу.

Вечером хозяйка, в чьей избе квартировал Петр, приготовила скромное угощение. Народу пришло немного: служба в милиции не располагала к большим знакомствам, тем более к дружбе. Только свои, близкие, с кем съел не один пуд соли, кому доверял спину.

Посидели, поговорили, выпили чуток, закусили. Ближе к полуночи разошлись. Это Елисееву с утра на службу не надо, а оставшимся товарищам теперь тянуть лямку и за него и за погибшего Рожнова.

Как всегда, Петр только чуток пригубил из налитой стопки и больше к ней не прикладывался. Не любил он пьяное дело, насмотрелся на всякое. Видел, как водка губит хороших людей и не желал себе такой участи.

Думал, что не заснет, проворочается всю ночь в кровати, однако нет, сон сморил здоровый молодой организм сразу, стоило только опустить голову на мягкую, набитую перьями и пухом, подушку. Спал крепко.

Встал на рассвете, с петухами, полный сил. Позавтракал, простился с хозяйкой и пошагал на тот самый перрон, у которого брал вместе с Колычевым Чеснока.

По пути встретил парочку знакомых. Весть, что «старшой милиционер» уезжает вроде как на повышение в большой город, уже разлетелась по округе. Каждый встречный норовил пожать руку Петру, пожелать удачи. А кое-кто, из тех, кому милицейская натура Елисеева не давала спуска, откровенно радовался. Видел Петр спрятанные в густых бородах насмешки, слышал облегченные вздохи. Что поделывать, он не мятный пряник, чтобы всем нравиться. Особенно таким, кто на

руку не чист или вредит советской власти.

По пути стал думать нахлынувшую думку. Как встретит его город? Какой будет служба на новом месте? То, что непростой, так это к бабке не ходи. Взять к примеру Чеснока – и ведь это еще не самый отъявленный злодей. Хватает деятелей более серьезных и опасных. Колычев такого понарасказывал, кровь в жилах стынет.

Трудностей Елисеев не боялся, как и смерти. К этому вопросу он относился с философским спокойствием: что неизбежно, то неизбежно. Глупо на рожон переть, конечно, но куда глупее постоянно трястись от страха. Этому его на фронте научили.

Когда вернулся, долго не мог привыкнуть к тишине. Ждал близкого разрыва снаряда, разбрасывающего комья земли, вжиканья роя пуль и приказа идти в штыковую атаку. Не верилось, что все позади, что уберегла судьба от гибели в окопах. Из всех ранений – только легкая контузия. Голова тогда с месяц поболела, потом вроде прошло без последствий.

Вот и полустанок. У избы-пятистенка, служившей чем-то вроде вокзала, толпился народ. Тут тебе и встречающие, и провожающие, и те, кто в губернскую столицу по делам едет. Люди собрались заранее. Поезда часто ходили без всякого расписания. Тот же курьерский мог прийти часа на два-три раньше или позже. А во сколько прибудет к месту назначения, никому не ведомо.

Петру повезло. Долго ждать не понадобилось. Он даже заскучать не успел, когда поезд прибыл к полустанку. Может, оно и дальше без особых проволочек пойдет, подумал Петр.

Влез в грязный и набитый битком пассажирами вагончик, помог бабке-попутнице поднять узлы с поклажей (не иначе на рынок торговать ехала), отыскал свободный уголок и с грехом пополам разместился, убрав с прохода ноги, чтобы никто случайно не споткнулся.

Ворчать и ругаться на него не стали. Всем ехать надо. Да и много ль ему места понадобилось? Из вещей только армейский сидор, и тот плечи не оттягивал: перемена белья, рубаха и чуток продуктов в дорогу. Как оно будет дальше,

Елисеев не загадывал. Приедет, на месте разберется.

Паровоз протяжно загудел, дернул состав с места и медленно покатил по рельсам. Вагон затрясся, задребезжал, из окон и щелей задуло.

Елисеев внимательно осмотрел попутчиков. Глаз был наметан, это для милиционеров первое дело. Да и память хорошая нужна, чтобы, к примеру, держать в голове словесные приметы преступников. Вроде никого подозрительного. Мужики, бабы, дети... Как обычно. Напротив красноармеец, спит сидя, пузыри пускает. Петра аж завидки взяли. Наверное, домой на побывку парень едет. Форма на нем новая, от чистоты и свежести скрипит.

Народ постепенно разговорился. Молча ехать скучно. Хороший разговор, как известно, любой путь укорачивает. На жизнь жаловались, на власть советскую, голод и безработицу, сетовали на Новую экономическую политику. По всему выходило, что снова буржуи недобитые возвращаются и скоро к рукам своим загребушим все приберут. Зачем, спрашивается, революцию надо было делать и столько людей в гражданскую положить?

В Нивинское отделение милиции инструктор из губернии приезжал, читал политграмоту, в том числе и о НЭПе рассказывал. Интересно говорил, образно, примеры всякие приводил. Хотел было Петр его словами мужикам темным ситуацию разъяснить, да передумал. Не получится у милиционера так же складно рассказывать. Ума палата нужна, да язык без костей. Елисеев, конечно, не дурак, но соловьем заливаться не научился.

Вагон качался на стыках, за мутным окошком мелькали деревья, скошенные луга, речки, проселочные дороги с редкими пылящими телегами. Порой за стеной леса проглядывали покосившиеся крыши деревенских хат – некогда мужикам было хозяйство в порядок приводить, давно ли с фронтов вернулись?

Потихоньку народ в вагоне надышал, стало тепло, словно возле печки. И разговоры плавно сменили тональность, закончились пересуды, пошли шуточки, развеселые истории. Надоело за жизнь плакаться.

Елисеев сам не заметил, как задремал. Разбудила его суматоха. Пассажиры засуетились, похватили узлы и сумки, поспешили к выходу, мешая друг дружке.

Петр глянул в окно. Ясно, отчего публика заволновалась: состав подъезжал к Железно-рудску. Собственно, пошла окраина губернской столицы, а там и до вокзала недалеко. Потянулись добротные дома, много двухэтажных. Первый этаж каменный, а второй деревянный, с балкончиком.

Поезд остановился. Петр накинул на правое плечо лямку сидора и поспешил вместе со всеми. Поневоле суматохой заразился, хоть и понимал, что остановка конечная, дальше состав не пойдет. Впереди маячила широкая спина красноармейца. Елисеев снова позавидовал его новенькому обмундированию. Вот бы и их, в милиции, так же бы одевали с иголки!

Сколько Павловцев ни писал в губернию, вещевого довольствия в уезд не поступало. Объясняли, что и давать нечего, пусто на складе, хоть шаром покати. Приходилось трепать свое, и коли порвал что – кричи караул! На рынке, что одежда, что обувь стоила бешеных денег. А что самое хреновое, становилась только дороже. Совсем потеряли совесть спекулянты-перекупщики, драли втридорога. А жалованье милиционерам почти не повышалось. Обидно, но что поделаешь. После войны все хозяйство в разрухе, когда еще поднять получится!

А тут еще и разгул бандитизма. Так и норовят в спину ударить, сволочи!

Оказавшись на перроне, Елисеев чуть не оглох от гомона. Непривычно ему стало после деревенской тишины и малолюдства. Народу на вокзале – тьма тьмущая. Бегают туда-сюда, спешат. Носильщики тележками громяют.

– Па-беригись!

Не отскочишь в сторонку – затопчут.

Прямо у поезда бабки торгуют жареными семечками. Петр не сдержался, купив кулечек, свернутый из старой газеты. Вроде не солидно для милиционера семечками баловаться при таком скоплении народа, но он же не при исполнении, да и на лбу не написано, где служит.

Покрутил головой, любопытствуя. Вокзал в Железнодорожке построили в 1905-м и с той поры не ремонтировали. Зеленая краска на фасаде потускнела, пошла трещинами, а местами осыпалась вместе со штукатуркой, обнажая коричневые бока кирпичей. Половина оконных проемов закрыта щитами из досок. Но все

равно красиво. Елисеев художником не был, однако красоту чувствовал душой.

Маленькую часовенку, пристроенную к основному зданию, переделали в лекторий. Кресты с куполов сняли, иконы на входе завесили кумачовым полотнищем с лозунгом.

Под лозунгом стоял патруль: три бойца с красными повязками на руках. Их внимание привлек сосед Елисеева, и они подозвали парня к себе.

– Товарищ красноармеец, подойдите, пожалуйста. Надо бы документики ваши проверить.

Дезертиров ловят, сообразил Петр. Ему и самому приходилось участвовать в подобных проверках. Красноармеец вздохнул, однако спокойно подошел к патрульным, полез за пазуху доставать документы. Событие рядовое, и Елисеев отметил его исключительно по привычке. Служба заставляла контролировать все происходящее. Даже то, что напрямую его не касается.

Но тут эхом грянул выстрел, потом второй. С деревьев небольшого парка, раскинувшегося по другую сторону железнодорожных путей, с карканьем сорвалась огромная стая ворон, заполонившая небо.

Глава 3

Тонко, навзрыд закричала женщина.

– Убивают! – заголосила она. – Помогите, люди добрые!

Люди испуганно шарахнулись в поисках укрытий, началась паника. Петр развернулся, оценивая ситуацию. Было ясно, что стреляли от часовенки. И тут же его едва не сбили с ног. Дородный мужчина в купеческой поддевке несся сломя голову, не разбирая пути. Сначала свалил одну из торговок, потом налетел на Петра. Они столкнулись, как два бильярдных шара и сразу же разлетелись по сторонам.

– Смотри, куда прешь! – закричал Елисеев, падая на спину.

Его ощутимо приложило затылком о брусчатку. Свалившийся поблизости купчик не ответил, он встал на четвереньки и, по-собачьи ловко перебирая руками, на карачках пополз прочь, пока не добрался до спасительного укрытия, где засел, мелко крестясь.

Петр поднялся и невольно схватился за ушибленное место. На затылке появилась шишка, в глазах плыло, совсем как после контузии, в ушах лопались пузыри. Он нашел в себе силы справиться с нахлынувшей слабостью. Распрямившись во весь рост, заметил поблизости афишную тумбу, заклеенную объявлениями, заскочил на нее и увидел поверх голов мечущихся граждан убежавшего красноармейца. Тот несся к привокзальной площади, еще секунда и скроется с глаз.

Ветер полоснул по глазам обрывком афиши: почтеннейшую публику зазывали на французскую борьбу с участием чемпиона Испании Рауля. Его почти квадратная физиономия была запечатлена под текстом. Господин Рауль почему-то стремился к анонимности, пряча лицо под черной маской. Афиша была древней, чуть ли не прошлогодней.

Она сильно мешала обзору, Петр с досадой сорвал обрывок, и ветер погнал его прочь.

Взгляд зацепился за другую картину: один из патрульных распластался по земле, широко раскинув руки; второй сидел, прислонившись спиной к дверям часовенки. Он зажимал ладонью кровавое пятно, расплывшееся на гимнастерке. Стреляли в них. А кто? Похоже, тот самый красноармеец в новом обмундировании.

С другого конца перрона на шум пальбы бежали несколько человек с винтовками. Наверное, сотрудники транспортной милиции. Но пока они доберутся, пока поймут в чем дело, преступника и след простынет. Елисеев бросился в погоню, жалея, что сдал свой револьвер, хотя вряд ли бы он стал стрелять в толпе. Можно зацепить случайных прохожих, слишком велика ответственность.

Он обогнул здание вокзала, выскочил на площадь, по наитию посмотрел налево и снова наткнулся на знакомую фигуру. Красноармейца уносил открытый экипаж. Коляска постепенно набирала скорость. Елисеев заскрежетал зубами, преступник уходил. Возможно, правит экипажем его сообщник. Вон как быстро посадил к себе клиента. Обычно «ваньки» долго сторговывались, пытаюсь набить себе цену.

Угнаться за конным экипажем – дело практически невозможное, однако коляска еще не набрала ход, к тому же на пути у нее постоянно возникали преграды, которые приходилось объезжать: то ломовые телеги, то просто нагруженные вещами люди, спешившие к вокзалу и не желавшие уступать дорогу транспорту.

Петр не был большим любителем бега, однако выбора не оставалось. Стремглав кинулся за коляской. И пусть сердце норовило выпрыгнуть из груди, а под ложечкой закололо, все же успел поравняться с задним колесом экипажа. Понимая, что на большее его не хватит, завопил что было сил извозчику:

– Стой, милиция!

Удивительно, но окрик сработал. Извозчик машинально потянул вожжи на себя. Коляска резко замедлила ход. И сразу же грянул выстрел: красноармеец палил из черного хищного вида пистолета. Первая пуля чвиркнула возле Петра, заставив его отпрыгнуть в сторону. Следующая предназначалась извозчику. Тот сразу обмяк. Красноармеец птицей взлетел на его место, скинул тело с коляски (оно шмякнулась в грязь) и схватился за вожжи.

– Не уйдешь, сука! – закричал Елисеев.

В ответ бахнул новый выстрел. И снова пуля ушла в «молоко», сложно одновременно палить из пистолета и править лошадей. Вот и у бандита ничего не получилось.

Времени на раздумье нет. Действовать нужно, действовать. Как именно? А вот так: милиционеру удалось заскочить в уходивший экипаж. Едва устояв на ногах, Елисеев кинулся на бандита, схватил его за шею и потащил на себя. Тот забыл о лошадях, выпустил поводья, и, не устояв под тяжестью милиционера, повалился на него. Петр сумел отобрать у трепыхавшегося противника пистолет и ногой оттолкнул его как можно дальше.

Бандит захрипел, его лицо покраснело, стало напоминать цветом вареного рака. И все же он не собирался сдаваться. Извернувшись, ткнул локтем в живот милиционера, угодив в солнечное сплетение. От острой боли Елисеев едва не потерял сознание. Понимая, что вот-вот положение переменится и этот гад возьмет над ним верх, он еще сильнее стиснул шею противнику.

Но тут что-то под ними треснуло, экипаж резко накренился, а потом, наскочив на камень, развалился, выбросив их словно катапульта.

Они пролетели несколько метров, цепко схватившись друг в друга, упали в глубокую, разлившуюся грязью лужу. Шея бандита хрустнула, голова мотнулась как у тряпичной куклы.

И сразу кто-то подскочил к ним, принялся расцеплять. Елисеев с сожалением разжал пальцы, чувствуя, как их сводит судорогой. Руки были чужие, с трудом подчинялись.

– Документы, – потребовали у него над ухом. – Предъявите документы.

Говорил суровый щетинистый дядька с обветренным лицом и слезящимися глазами. От него пахло табаком и селедкой. Стоявший рядом парнишка в полотняном шлеме оттеснял миглом набежавшую толпу. В руках у него была винтовка с примкнутым штыком.

– А ну разойдись, граждане! Кому говорю?! Парнишка был совсем молодым, его голос срывался, и несколько раз он невольно пускал «петуха», что не добавляло ему серьезности в глазах у собравшихся.

– Вы кто, товарищи? – спросил Елисеев.

– Транспортная милиция.

– Свои, – облегченно прошептал Петр.

– Это мы еще проверим: свои или чужие, – грубо произнес дядька.

Елисеев покосился на бандита. Того уже выволокли из лужи. Милиционер в темной тужурке и с деревянной кобурой маузера на боку склонился над телом, стал щупать пульс. Распрямившись, коротко бросил:

- Готов.

- Только шапки не спешите снимать. Не стоит он этого, - произнес Елисеев. - Я, почему за ним побежал: это он стрелял в патрульных. И в меня палил, и в извозчика...

- Извозчика тоже наповал, - сообщил милиционер с маузером.

- Хреново. Столько трупов в один день!

Дядька взял документы Елисеева и принялся старательно читать. Чувствовалось, что эта наука дается ему с трудом. Закончив, с уважением вернул бумаги.

- Все понятно, товарищ Елисеев. Документы у вас в ажуре. - Он вытянул пятерню. - Будем знакомы, Архипов - начальник отдела транспортной милиции. К нам по какому вопросу приехали?

- В губрозыск вызвали для укрепления. Сотрудников у них не хватает.

- Лихо начали...

Петр пожал плечами.

- Так вышло. Думал, спокойно до места доберусь, а тут пальба, крики, смерти...

Отношение к нему переменилось. Теперь во взглядах милиционеров появилась неприкрытая симпатия.

Архипов осмотрелся.

- Свидетели есть?

– Есть свидетели, есть. Пропустите меня, пожалуйста, – сквозь толпу протиснулась полноватая женщина, одетая по-городскому. Голова у нее была непокрыта. Ветер трепал ее длинные русые волосы.

Елисеев почему-то решил, что она учительница.

– Я все видела, – сообщила женщина. – Этот, – она кивком указала на распростертого бандита, – с патрулем разговаривал, что-то им видать не понравилось. Поскандалили они чуток, а потом он вдруг пистолет выхватил, пальнул несколько раз и побежал.

Женщина нервно всхлипнула:

– Просто ужас какой-то! Посреди белого дня!

– Верно, – выкрикнули из толпы. – Все так и было. Отпустите парня. Если б не он, ушел бы злодей!

– Товарищи, прошу вас пойти с нами. Мы запишем ваши показания. Не волнуйтесь, это ненадолго. А вам, товарищ Елисеев, большое спасибо от лица трудового народа и нашей транспортной милиции! – объявил Архипов. – Я сообщу вашему начальству о том, как вы помогли.

Вместе с учительницей и вторым свидетелем они прошли в крохотную комнатку, где с каждого сняли показания. Экстренно вызванный следователь только восхищенно качал головой.

– Знаете, кого вы ликвидировали? – спросил он у Елисеева.

– Никак нет. Знаю, что какого-то бандита и все. Он мне не представлялся.

– Это не просто бандит. По нему запрос аж из самой Москвы прислали месяца два назад. Фамилия Пичугин. Убийства, бандитизм, кражи со взломом... В общем, наворотил делов. Еще и у нас двойное убийство совершил. Вовремя вы его остановили, товарищ Елисеев.

Елисеев сообразил, что один из патрульных убит, спросил про судьбу второго.

– Ранен, – сообщил следователь. – Врачи борются за его жизнь. Жаль парня: жена у него, детишек двое. Надеюсь, скоро на поправку пойдет.

– Хотелось бы, – согласился Петр. – А почему Пичугин стрелять начал? Ему бы сидеть ниже травы, тише воды...

– В документах непорядок, – пояснил собеседник. – Подвели его бумаги. Раньше, видимо, прокатывало, а у нас не прошло.

– А что именно было не в порядке? Если, конечно, не секрет...

– Да какой тут секрет! – махнул рукой следователь. – Тем более от вас! Мы же одним делом занимаемся. Как это часто бывает, всему виной мелочь. – Он стал рассказывать: – Липу надо умеючи делать, а хорошая липа и стоит соответственно. Думаю, дурака сваял Пичугин, купил документы по дешевке. А может, тот, кто ему их варганил, от жизни сильно отстал. Такой вариант тоже со счетов сбрасывать нельзя. – Елисеев с интересом посмотрел на следователя, а тот, понимая, что затянул со вступлением, наконец-то сдвинул с места свой рассказ: – На печати он прокололся. Поставил штамп части, которую давно уже расформировали. А один из патрульных прежде как раз в этой части служил. Вот он сразу и заподозрил, что Пичугин не тот, за кого себя выдает. Проявил бдительность, потребовал пройти в комендатуру для разбирательств. Что оставалось Пичугину делать? Только за пистолет хвататься да ноги уносить. Итог вам известен.

В комнатушку с трудом протиснулся Архипов. В руках у него был закопченный чайник.

– Закончили, товарищи?

– Да, все в порядке, – сказал следователь. – Повезло нам, что товарищ Елисеев в нужное время в нужном месте оказался. Иначе удрал бы Пичугин, и лови ветра в поле!

– Тогда, может, чайку попьем? У меня и сахаринчика немного сыскалось. Что скажете?

– Умеете вы уговаривать, Семен Иванович, – засмеялся следователь. – Обязательно попьем, тем более в вашем обществе. Вы только потом товарища Елисеева на службу доставьте, а то некрасиво получится. Заждались его уже там, наверное.

– Непременно довезем, – улыбнулся Архипов. – Я с извозчиком договорюсь.

– Да не стоит беспокойства, как-нибудь сам доберусь, – попробовал отказаться Петр, но все его возражения были отменены сходу.

И следователю, и начальнику транспортной милиции проворный молодой человек пришелся по душе. Так что совсем скоро он сидел вместе с ними, отхлебывая из стакана в медном подстаканнике еще царских времен, обжигающий, чуть сладковатый чай.

Потом Архипов посадил его в пролетку и велел везти молодого человека к зданию губрозыска. В качестве платы протянул талон, по которому казной оплачивались транспортные расходы милиции. Однако извозчик узнал в Елисеева храбреца, который обезвредил убийцу его коллеги, и брать талон категорически отказался.

– Обижаешь, начальник! Не надо мне ничего. Забирай свою бумазейку назад. Я с этого парня и копейки не возьму. С меня не убудет, а он пушай не думает, что мы – публика неблагодарная, – заявил он. – Заодно и город могу показать. У нас, конечно, не Москва или Питер, однако посмотреть есть на что. Ну что, поехали?

– Поехали, – не стал спорить Елисеев.

Не так часто доводилось ему ездить в пассажирском экипаже, да еще и бесплатно. Все больше на простых деревенских телегах.

К будущему месту службы Петр прибыл к пяти часам вечера.

Губрозыск занимал здание старинного купеческого особняка, выходявшего узким торцом к улице. Над дверями висела табличка «Губернский уголовный розыск». Неподалеку от входа пустовала коновязь.

У дверей стоял скучающий боец ЧОН с винтовкой. От нечего делать, он вертел головой по сторонам.

Завидев вылезавшего из коляски Елисеева, боец напрягся, взял винтовку на изготовку.

- Вы по какому вопросу, товарищ?

- Мне бы к начальнику пройти.

- Нет его, по делам уехал, - сообщил часовой.

- А кто за него остался?

- Товарищ Колычев. Елисеев обрадовался.

- Тогда я к нему.

- Проходите, - разрешил боец.

Петр толкнул массивную дверь, оказался в длинном и темном коридоре. Доски под его тяжестью заскрипели. На скамейках, установленных вдоль побеленных стен, сидели люди: потерпевшие или те, кого вызвали для допроса. При виде Елисеева все, словно по команде, вскинули головы.

- Здравствуйте, - слегка опешив от неожиданного внимания, произнес Елисеева.

- Вы к кому? - спросил его дежурный, сидевший за обшарпанным столом.

Петр хотел ответить, но сейчас же зазвонил телефон, и дежурный схватился за трубку:

– Губрозыск, дежурный по городу Федотов... Говорите адрес... Медленнее, пожалуйста. Воскресенский проспект, дом три, все верно? Принято. Отбой.

Он бросил взгляд на настенные часы и что-то записал в большой прошнурованной книге. Потом, вспомнив об Елисееве, спохватился:

– Простите, вы к кому, товарищ?

– К Колычеву.

– Вторая дверь направо, – сказал дежурный и потерял к нему интерес.

– Спасибо, – поблагодарил Петр.

Колычев сидел в маленькой прокуренной комнатухе с узким зарешеченным окном. Из всей мебели два стола, несколько стульев и несгораемый шкаф, поверх которого лежали пухлые папки.

– Петр! – обрадованно приподнялся Колычев. – Здорово, герой!

«Губрозыск занимал здание старинного купеческого особняка...»

Елисеев смущенно потупился.

– Брось барышню изображать! Проходи, не стесняйся! Из транспортной уже звонили, рассказали о твоих подвигах. Лихо ты, говорят, Пичугина кончил. Прямо голыми руками. Чуть голову не оторвал...

– Случайно вышло. Я его живьем, гада, взять хотел, – признался Петр.

– Все равно, молодец! Не сплеховал. Выходит, не зря я тебя товарищу Янсону сватал! – горделиво произнес Колычев.

Многие начальники уголовного розыска по традиции были переведены из ЧК. Не стал исключением из правила и начальник Железно-рудского губро, бывший латышский стрелок Янсонс. Правда, буква «с» на конце его фамилии постепенно исчезла, и теперь начальника величали чуть короче – товарищ Янсон. Прежде Елисееву не доводилось с ним сталкиваться лично, но все отзывы были только положительными: угрозыском заведовал человек ответственный, строгий, но справедливый, вдобавок, с неплохим опытом оперативной работы.

– А где он? – поинтересовался Петр и услышал ответ:

– Там же, где почти все наши – в клубе, Ленина слушает.

– Как Ленина?! – удивился Елисеев. – Он что – в Железнодорожск приехал? А почему нам никто не сообщал? Это же такое дело... такое... – От избытка чувств у него перехватило дыхание.

Шутка ли – сам товарищ Ленин в их губернском городе. Да это событие всероссийского, если не сказать – мирового масштаба.

Колычев засмеялся.

– Ну, ты, братец, хватил! У Ильича и без нас забот хватает. В Москве он, работает.

– А как же... – совсем ошалел Петр.

– Ларчик просто открывается. Пластинки сегодня привезли с его речью. наших первыми слушать пригласили, – похвастался Колычев. – Мы с тобой завтра пойдем. Товарищ Янсон велел устроить стопроцентный охват. Каждый сотрудник обязан услышать Ильича. Ты, кстати, как – партийный?

– Нет, – мотнул головой Елисеев. – Сочувствующий.

– Непорядок, – сказал Колычев.

Петр виновато потупился. Он подумывал о вступлении в партию, но не решался сделать первый шаг. Быть большевиком – большая ответственность. Честь велика, но велик и спрос.

– Я поговорю с товарищами по партячейке. Думаю, скоро поставим вопрос по тебе. Нас, партийных, мало, но вместе мы – во, сила! – Колычев сжал ладонь во внушительного размера кулак. – Горы свернем! Солнце с неба достанем.

Дверь распахнулась, в комнату стремительной походкой ворвался невысокий плотный мужчина лет сорока с русыми коротко стриженными волосами. На нем был английский френч, обтянутый крест-накрест портупеей, и темно-зеленые кавалерийские галифе. Взгляд у мужчины был ясный и решительный.

Елисеев при виде его вытянулся. Вышло это как-то само собой.

– Товарищ Янсон, – сразу обратился к нему Колычев. – Вот, обещанное пополнение: Петр Елисеев из уездной милиции.

– Елисеев?! – обрадованно воскликнул Янсон.

Он протянул руку.

– Очень рад!

– Спасибо, товарищ Елисеев. Взаимно.

– Теперь будем работать вместе. Наслышан уже о вас, наслышан. Мало того, что Колычев все уши прожужжал, так еще и в клубе только и разговоров, как вы у вокзала отличились.

Начальник губро говорил по-русски бегло и без малейшего акцента. Петр с удовольствием пожал его крепкую руку, невольно отметив широкую, как у молотобойца ладонь.

– Одно плохо – засветились вы. Теперь вас как новое лицо в оперативных мероприятиях будет сложно использовать, – задумчиво произнес Янсон. – Уголовники нас наперечет знают. Потому и хотел вас, как человека пока

неизвестного, к нам выписать. Но ничего, что вышло, то вышло. Будем надеяться, что сильно все же не примелькались. У вас есть, где остановиться в городе, хотя бы на первое время?

- К сожалению, нет, - честно ответил Елисеев.

- Решим вопрос, товарищ Янсон, - заверил Колычев.

- Отлично. Тогда сегодня устраивайтесь с помощью товарища Колычева, а с завтрашнего утра запряжем вас как полноценного работника уголовного розыска. Меня кто-то спрашивал? - уточнил он у Колычева.

- Нет.

- Тогда до свидания, товарищи. Завтра, к восьми часам, жду всех на планерке.

- До свидания, товарищ Янсон.

Начальник вышел из кабинета.

Только после этого Петр сумел немного расслабиться.

- Как тебе наш начальник? - подмигнул Колычев.

- Силен, - признался Елисеев.

- То-то, братец! Повезло Железнодорожному угро с таким начальником.

«Дружбу завёл с продажными девками. У нас их „маньками“ кличут».

Он подошел к сейфу и, открыв массивную дверцу, стал укладывать в него папки с делами.

– Собирайся, пойдём, – сказал Колычев, запирая несгораемый шкаф.

– Что, вот так – сразу?

– А как ты хотел? Тебе же сказали, что до завтра надо решить вопрос с квартирой. Вот и поспособствую.

– У себя поселишь?

– И рад бы, да некуда. У меня семеро по лавкам дома, места приткнуться нет. Но я тебе неплохой вариант подыскал. У Марии Степановны поселишься. Она хоть и шибко верующая (весь дом в образах, в церкву ходит и все посты соблюдает), но человек правильный: двух сыновей воспитала, оба краскомами служат. Геройская, я тебе скажу, тетка. И возьмет за постой недорого. Скушно ей в одиночестве. Сыновья далеко отсюда службу несут. Только в отпуск и навещают.

– А я ее не стесню?

– Не, за это не переживай. До тебя у Степановны другой наш сотрудник квартировал, Коркин. Только его с треском поперли из губро.

Тут Колычев нахмурился. Чувствовалось, что тема Коркина ему неприятна.

– Поперли, значит... И что же натворил этот ваш бывший сотрудник? – не смог сдержать интереса Петр.

Колычев вздохнул, однако ответил:

– Во-первых, не «ваш», а наш...

– Извини, наш, – поправился Елисеев.

– Во-вторых, связался со всякой шелупонью! – будто не замечая слов Елисеева, продолжил собеседник. – Дружбу завел с продажными девками. У нас их «маньками» кличут. И ладно бы дружбу... Чего ради дела не сделаешь? Поговаривали, что сам их, кому надо подкладывал, да деньги с бабенок стриг.

Но вообще раскрываемость у него была – ого-го! Ценным сотрудником считался, грамоты имел. Знаешь, сколько эти «маньки» знают?! Раз в пять больше нашего! Почитай, все сплетни через них проходят. Так что вот тебе мой совет: обязательно заведи себе среди «манек» сексота.

– Кого? – не понял Елисеев.

– Секретного сотрудника. Ну, вроде как человечка своего в уголовном мире. Ты ему мелкое послабление, а он тебе сведения. Что сам не знает, у других потихому выяснит. Хороший сексот в нашем нелегком ремесле на вес золота. Некоторым еще и платить приходится.

– Из своего кармана, что ли? – нахмурился Петр.

– Бывает, что и из своего кармана, – признался Колычев. – Нам, конечно, кое-какие фонды отпускают, но тут как с получкой: иной раз по несколько месяцев дожидаться приходится. Все, пошли. Степановна рано спать ложится. Не хочу будить женщину.

Они вышли из угро и повернули направо по скверно замощенной улице.

– Далеко идти? – поинтересовался Елисеев.

– За четверть часа неспешной походкой управимся. У нас город хоть и губернский, да не сказать, что большой. Не Москва и не Питер.

– А сколько народа живет?

– Да кто ж его считал толком? Тыщ семьдесят, пожалуй, наберется, да мильон в самой губернии. И на все про все нас – дюжина работников в губрозыске. Хоть порвись!

– Много работы?

– До хренища! Скоро на своей шкуре прочувствуешь.

– Поскорей бы, – честно сказал Елисеев.

Они подошли к деревянному домику самого что ни на есть деревенского вида. Забора вокруг не было.

- Мы на месте, - произнес Колычев. - Дорогу запомнил?

- Да чего тут запоминать?

- Оно и верно. Почти все прямо. Но я так, на всякий пожарный, уточнил.

Колычев постучал в незакрытое ставнями окошко.

- Степановна, открывай! Дело есть!

В доме кто-то зашевелился-заворочался. Открылась дверь, и на крыльцо вышла укутанная в серый шерстяной платок бабулька. Она прищурила подслеповатые глаза.

- Борька, ты что ли?

Только сейчас Елисеев узнал, что его сослуживца зовут Борисом.

- Я, Степановна. Гляди, какого постояльца к тебе привел, - похвастался Колычев.

- Что ж на пороге стоите? Заходите. Гость в дом, бог в дом.

Колычев подтолкнул Петра локтем, и они зашли внутрь вслед за старушкой.

- Башку береги, - посоветовал Борис. - Тут притолоки низкие.

Они вошли в избу, освещенную коптящей лампой.

- Представишь гостя? - спросила Степановна.

- А то! Прошу любить и жаловать, - заговорил Борис. - Это наш новый сотрудник, зовут его Петром, а фамилия Елисеев. Хочет у тебя остановиться.

– Я не против, пушай остается. А на сколько? – снова прищурилась подслеповатым глазом женщина.

– Да пока на улицу не попрешь, – усмехнулся Колычев.

– Скажешь мне! – погрозила пальцем Степановна.

Она подозрительно уставилась на Елисеева.

– Пьешь?

– Нет, Марь Степановна. Тверезый я, – сказал Петр.

– Это хорошо, – обрадовалась женщина. – Я винища на дух не переношу и в доме видеть его не желаю. А если с девками загуляешь, так сюда без моего разрешения не води. Я блудни-чать не позволяю.

– Сурова ты, Степановна! – хохотнул Колычев. – Откуда девкам взяться: только-только товарищ приехал и знакомствами обзавестись не успел.

– Ничего, дурное дело нехитрое. Тем более – вон какой видный парень! Все девки в городе по нему скоро сохнуть начнут, – заявила старушка.

– Сколько возьмете с меня за жилье? – спросил Петр.

Степановна махнула рукой.

– Ить с вас много-то не возьмешь! Знаю я, какие у вас получки! Ты проходи, не стесняйся. Про деньги мы с тобой опосля договоримся.

Она указала на фанерную перегородку, неподалеку от большой деревенской печки.

– За ней мой прежний постоялец жил. Сам угол себе отгородил. Туда заселяйся. Сейчас белье новое постелю. И вещи твои найдем, куда пристроить.

– Ну, все, – сказал Колычев, – ты тут располагайся, а я домой побежал. Завтра на службе встретимся. Не забывай, что товарищ Янсон говорил: в восемь утра у нас планерка.

Видя вопросительный взгляд, пояснил:

– Для несведущих – это совещание такое, в котором мы планы на весь день обсуждаем. Пока, Петр! Не проспи! А то у Степановны перины-то лучше, чем царские. Из кровати вылезать не захочется.

– Счастливо! – улыбнулся Елисейев. – Не проспю! Спасибо за все, Боря!

– Тебе спасибо! Я перед тобой до гробовой доски в должниках буду.

– Проехали! Никто никому ничего не должен.

Петр проводил товарища и принялся устраиваться в «апартаментах». Много ли ему надо? Кровать есть, табурет на случай прихода гостей имеется, даже грубо сколоченная тумбочка – и та в наличии.

Красота! Живи да радуйся.

– Ты, наверное, голоден, Петя? – заглянула за перегородку Степановна.

– Есть маленько.

– Тогда садись за стол, поснедаем. У меня каша на молочке сварена, пироги остались. Сейчас самовар поставлю. Посидим, чайку попьем, поговорим. Не волнуйся, тайны выпытывать не собираюсь, – засмеялась женщина.

Глава 5

На другой день Петр вышел из дома пораньше. Хоть и говорил Колычев, что дорога займет около четверти часа, но лучше взять с запасом. Вдруг что по пути

произойдет. Негоже начинать на новом месте с опоздания.

В здании губрозыска он пришел в полвосьмого. Колычев уже был в кабинете. Сидел с задумчивым видом и грыз карандаш. Перед ним лежал чистый лист бумаги.

- Ты чего такой озабоченный? - спросил Елисеев.

- Отчет пишу. Начальник с утра пораньше озадачил.

- А сдавать когда?

- Так сегодня и надо. Какой-то новый циркуляр из Москвы прислали, а мы мучаемся! - Он в сердцах ударил по столешнице кулаком. - Как же я ненавижу все это бумагомарание! Бюрократы хреновы! Чтоб вы сдохли!

- Без отчетов тоже нельзя, - примиряюще заметил Петр. - Там, наверху, без них картина не сложится.

- Понимаю, - вздохнул Колычев. - Но мне лучше с тремя Чесноками схлестнуться без оружия, чем один такой отчет написать. Веришь - весь мозг мне высосал!

Он открыл сейф и извлек из него револьвер.

- Держи, теперь это твой наган. Будешь с ним на уголовную братию ходить.

- Спасибо! - принял оружие Елисеев. - А патроны?

Борис высыпал на стол целую горсть патронов.

- Забирай. Этого добра у нас хватает. А вот это удостоверение. Храни как зеницу ока, чтобы в нехорошие руки не попало.

«Агент уголовного розыска третьей категории», прочитал Елисеев название своей новой должности и вопросительно поднял взгляд. Колычев правильно истолковал его жест.

– Знаю, что не густо, но сам таким начинал. Не журишь, все от тебя будет зависеть. Если за два месяца испытательного срока себя проявишь, получишь вторую категорию, а то и сразу первую. Я, брат, за месяц управился: крупное дело раскрыл. Шум-гам на всю губернию стоял. – Он мечтательно зажмурился.

– Посмотрим, – кивнул Елисейев.

Теперь, с удостоверением и оружием, он ощущал себя полноценным сотрудником уголовного розыска.

– Слушай, Борис, а можно еще одним револьвером обзавестись? Мне бы что-нибудь небольшое, карманное, навряде «бульдога»? Чтоб под патрон нагановский был...

– Решим вопрос, – сказал Колычев. – Я и сам такой же при себе таскаю. Вещь полезная: в глаза сходу не бросается, да и во время перестрелки не помешает. Когда ты еще наган перезарядишь...

– Вот спасибо! – обрадовался Петр.

– Первое время работать будешь под моим руководством. Я тебя со всеми нашими познакомлю и расскажу, что и как нужно делать. Если что-то будет непонятно – спрашивай.

– Договорились.

– Занимай свободный стол. С этого дня он в твоём полном распоряжении. Документы будешь хранить в сейфе, вот дубликат ключей. За ними тоже присматривай: тут столько народа мечтает в него заглянуть...

– Свои?

– И свои, и чужие. Как говорил товарищ Дзержинский: «человеку нужно доверять, но проверять». Все, скоро планерка. Пошли. Начальник тебя ребятам представит.

Кабинет товарища Янсона отличался от кабинета Колычева только размером (он был чуть побольше) и наличием старого продавленного дивана, на котором разместились трое незнакомых Елисееву сыщиков. Еще двое сотрудников заняли табуреты. Собравшиеся с интересом глядели на новичка.

На стене кабинета висела выполненная от руки карта губернии, над сейфом – портрет Ильича в прямоугольной рамочке. Товарищ Янсон сидел за столом, читая документы и делая время от времени пометки.

– Разрешите? – спросил Колычев, стоя на пороге.

– Заходите. Еще минута, и начнем, – кивнул начальник губрозыска.

Елисеев еще раз удивился, насколько хорошо товарищу Янсону дается русский язык. Не скажешь, что латыш. Наверное, обрусел рано.

Закончив, Янсон отложил документы.

– Приступим, товарищи. Сначала радостное известие. У нас пополнение: из Нивинского волостного отделения милиции к нам переведен новый сотрудник – Петр Елисеев. Думаю, вы о нем уже слышали. Товарищ Елисеев очень помог нам при задержании Чеснока, а вчера отличился на вокзале, ликвидировав особо важного преступника.

– Так это он Пичугина сделал? – удивился здоровенный, богатырского сложения мужчина в вытертой кожаной куртке.

– Он, товарищ Бурко. Причем, прошу отметить: действовал в одиночку и без оружия.

– Рискованно, – заметил черноволосый смуглый юноша, смахивающий на гимназиста.

Был он худощав и горбонос, одет в студенческую тужурку.

– Да, рискованно, – согласился Янсон. – Но кто бы это говорил, товарищ Левин?!

Левин потупился. Очевидно, имелось в его биографии нечто такое, что начальник губрозыска мог поставить ему в упрек.

– Недельки две товарищ Елисеев будет стажироваться у Колычева, а потом уже отправим в свободное плавание. У вас есть какие-то вопросы? – обратился Янсон к Петру.

– Вопросов нет, – ответил тот.

– А с жильем как? Устроились?

– Да, с этим тоже все благополучно. Спасибо, товарищу Колычеву.

– Хорошо. Тогда внимательно слушайте, о чем мы будем разговаривать. Возникнет желание уточнить – не стесняйтесь, спрашивайте. У нас это приветствуется. Мы здесь все свои. Работаем на общее дело.

Дальше совещание пошло обычным ходом. Дежурный зачитал сводку происшествий:

– Вчера бойцами ЧОН, охранявшими завод «Серп и молот», был насмерть застрелен некто Иванов Сергей Лаврентьевич, тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года рождения.

– Кто выезжал на место преступления? – спросил Янсон.

– Я, – одернув тужурку, поднялся Левин.

– Разобрались?

– Конечно, товарищ Янсон. Ситуация однозначная: убитый работал на этом заводе. По словам работников предприятия, любил выпить и погулять, был нечист на руку. Вчера собирался украсть несколько связок кровельного железа. Судя по всему, действовал один, в свои планы никого не посвящал. Патруль застукал его, когда он перебрасывал похищенное через забор. Его окрикнули, Иванов кинулся бежать. На выстрел в воздух не остановился. Тогда чоновцы открыли огонь на поражение. В итоге убит пулей наповал. Вины бойцов ЧОН в

происшествии не наблюдаю. Они действовали в соответствии с инструкциями. Следователь того же мнения.

– Хорошо. Чоновцы молодцы, уголовное разбирательство в их отношении нужно прекратить. Вор сам виноват и понес заслуженное наказание. Еще происшествия?

Дежурный покосился на Елисеева.

– Ну, насчет Пичугина, тоже вроде все понятно...

– Можете пропустить, – разрешил Янсон. Дальше шли сообщения о нескольких кражах, включая воровство белья.

– Хорошо хоть сегодня никакой склад не вскрыли, – сказал в конце совещания Бур-ко.

Все дружно заулыбались. Ограбления складов были больным местом губрозыска. Почти каждый день случалось новое.

Янсон распустил сотрудников, и они дружной гурьбой вышли в коридор.

– Куришь? – спросил Петра Бурко.

– Нет.

– И правильно делаешь. Табачок нынче дорог, сплошное разорение от него.

– Так ты бросай!

– Э! – засмеялся богатырь. – Сказать легко – бросай. Это привычка такая, что на всю жизнь.

– Выходит, нет у тебя силы воли, Бурко, – заметил Колычев.

Бурко хотел ответить что-то язвительное в его адрес, но не успел: Колычева окликнул дежурный:

- Борис, хватай стажера и дуй в Губфинотдел.

- А что стряслось? - насторожился Колычев.

- Кража, - коротко пояснил дежурный.

- Ну, Петр, готовься: вот оно, твое первое дело, - усмехнулся Колычев. - Само в руки идет.

- Быстро как-то...

- А ты что думал? У нас скучно не бывает. Работа такая.

Губернский финансовый отдел находился на центральной улице Железнодорожска - Советском проспекте. Сыщики добрались до него на своих двоих.

В царские времена дом принадлежал коммерческому банку, теперь в нем расположилось сразу несколько советских организаций.

У входа топтался милиционер в форме. Видимо, на этот пост старались отряжать сотрудников, чей внешний вид соответствовал уставному.

При виде Колычева, постовой виновато опустил глаза.

- Знает кошка, чье мясо съела, - усмехнулся Борис и, подойдя к милиционеру, спросил:

- Сидоркин, твою в бога душу мать, тебя что тут - ворон считать поставили?

- Товарищ Колычев! - взмолился постовой.

- Товарищ Колычев, – передразнил его сыщик. – Ты не усмотрел, а нам расхлебывай после тебя! Ладно, мы с тобой еще после поговорим. Понаставят тут всяких вроде мебели... Где потерпевшая?

- Внутрях, вас дожидается.

Потерпевшая оказалась миловидной женщиной лет тридцати. Одета скромно, но опрятно. Чувствовалось, что следит за собой. Волосы спрятаны под косынку, глаза припухшие, заплаканные.

- Рассказывайте, гражданочка. Мы из губрозыска, – сказал Колычев.

Женщина всхлипнула, однако, как заметил Петр, самообладания не потеряла.

- Документы ваши, покажите, пожалуйста, – попросила она.

- Надо же какие мы! – присвистнул Борис и раскрыл перед потерпевшей свое удостоверение. – Колычев, агент губрозыска.

- Мотылькова Инесса Владимировна, помощник кассира Губернского промпита.

- Что у вас украли, Инесса Владимировна?

- Деньги.

- Кошелек? Личные средства?

- Если бы! – совсем закручинилась потерпевшая. – Казенные деньги украли на покупку продуктов. Мне их сегодня в финотделе выдали.

- И большая сумма?

- Большая. Почти шесть миллионов.

- Ого! – не удержался Петр.

Его зарплата была в пятьдесят раз меньше.

- А еще вместе с деньгами пропало оружие...

- Какое оружие? - насторожился Елисеев.

- Служебное. Мне револьвер на работе выдали как ответственному сотруднику. Я его в портфеле вместе с деньгами держала на случай обороны.

Мотылькова показала парусиновый портфель, с каким ходил едва ли не каждый из совслужащих. Нормальный кожаный портфель могло себе позволить только большое начальство.

- Какой марки револьвер?

- Наган.

- И где похитили деньги и оружие? Что, прямо здесь? - Колычев обвел глазами приемное помещение Губфинотдела, в котором людей было набито, как сельди в бочке. Многие прислушивались к разговору.

- Да, прямо здесь, - кивнула помощник кассира.

- Однако. И как же это вы казенные средства проворонили, «ответственный сотрудник» Инесса Владимировна?

К счастью, женщина умела держать удар. Вместо того чтобы удариться в рыдания, она принялась рассказывать обстоятельства кражи.

Выяснилось следующее: получив деньги, она положила их в портфель, не ожидая ничего плохого. Здание охранялось милиционером, внутри было много людей, в том числе и знакомых. Мотылькова направилась к выходу и вдруг увидела, что прямо на полу лежат гербовые десятирублевые марки.

Душа ответственного совсотрудника не выдержала такого обращения с финансовыми бумагами. Женщина наклонилась и стала поднимать марки. Одна из них была приклеена. Чтобы отодрать ее, Мотыльковой пришлось освободить

обе руки. Она поставила портфель на пол, а когда закончила, выяснилось, что тот исчез, вместе со всем содержимым.

- Так-так, - зацокал языком Колычев. - Это ж каким надо быть знатоком человеческой натуры, чтобы придумать такую махинацию!

- Тонкий расчет, - согласился Елисеев. - Раньше у вас были подобные случаи?

- У нас нет. Но что-то подобное уже проворачивали в других местах. Где ж это было? - Колычев нахмурился и с сожалением сказал:

- Нет, хоть тресни не помню. Надо будет покопаться в ориентировках.

Он обратился к помощнику кассира:

- Инесса Владимировна, никого подозрительного рядом с собой не видели? Может, толкался кто поблизости, наблюдал за вами или спрашивал?

- Ой, я так сразу и не припомню, - огорченно произнесла Мотылькова.

- А вы повспоминайте, Инесса Владимировна. Вдруг получится? - попросил Елисеев.

- Знаете, - вдруг произнесла потерпевшая, - а ведь вы правы: терся около меня один мужчина...

- Ну-ну, смелее, - подбодрил Елисеев.

- Я ведь только сейчас и сообразила, что он все время возле меня был. Высокий такой, стройный, выправка... знаете, как у офицеров старорежимных.

- То есть человек военный?

- Может быть, - не стала отрицать Мотылькова.

- Еще что вспомнилось? Можете подробнее внешность описать?

- Мужчина очень интересный. Лицо умное, интеллигентное. Не удивлюсь, если он и впрямь из бывших. Волосы густые, светлые. Мне еще глаза его очень запомнились...

- Чем, Инесса Владимировна?

- А они у него грустные очень.

Колычев кашлянул.

- Уголки к низу идут, - пояснила потерпевшая. - Он может даже улыбаться, но глаза все равно останутся печальными.

- Цвет какой?

- Кажется, карий.

- С глазами ясно. Вы его лично знаете? Может, встречали где?

- К сожалению, прежде его видеть не довелось. Да и не припоминаю, чтобы в городе успел на глаза попасться. Все же не особо большой у нас город...

- Что по телосложению скажете?

- Знаете, обычное такое телосложение: ни худой, ни толстый...

- Живот есть?

- Есть, но особо не выпирает. А может, у него корсет.

- Одет как?

- Простенько одет: пиджачок светлый, брючки... У нас в конторе половина мужчин в таком виде ходит.

- Плохо. Особые приметы есть? Шрам какой-нибудь, родинка на видном месте...

- Нет, шрама точно не было, - уверенно сказала Мотылькова.

- Теперь напрягите память еще раз: может, еще кто-то возле вас вертелся, на кого вы сразу внимания не обратили?

- Нет. Только он.

- Посмотрите по сторонам, пожалуйста. Может, увидите его здесь? Вдруг не ушел.

Потерпевшая послушно осмотрелась.

- Тут его нет.

- Понятно, - вздохнул Колычев. - Я, конечно, на это и не надеялся, но вдруг... В общем, так Инесса Владимировна, сегодня после обеда, часика в два подойдете к нам, в губро-зыск. Спросите у дежурного Колычева - это я. Он вам покажет, где мой кабинет. Мы у вас показания в письменном виде для следователя снимем. Все поняли, Инесса Владимировна?

Женщина кивнула.

- Тогда можете идти. Мы вас не держим.

- А как же вор?

- Вор... Вора мы обязательно найдем, - твердо объявил Колычев. - А вы впредь будьте бдительны, не позволяйте себе попадаться на бандитские уловки.

Глава 6

Отпустив потерпевшую, сыщики приступили к опросу свидетелей, в первую очередь, пытаясь у них узнать, кто бросил на пол гербовые марки. Это мог быть только преступник или его сообщник. Людей в Губфинотделе было много. Вдруг кто-то да заметил?

Опросили всех присутствующих, но ничего выяснить не удалось. Воры использовали многолюдность в свою пользу. В толкучке внимание у людей рассеивается, все заняты своими делами. Расследовать преступление по горячим следам не вышло. Мужчину с грустным выражением глаз запомнила одна Мотылькова, и то не было никакой уверенности, что история с пропавшим портфелем – не ее рук дело.

– Может, он с другими целями вокруг увивался? – предположил Елисеев.

– Например?

– Гражданочка симпатичная...

– С этим не поспоришь, внешность и у потерпевшей впрямь приятная, – согласился Колычев. – Думаешь, этот тип хотел к ней подкатить?

– Да.

– А потом вроде как передумал?

– Почему нет? О жене вспомнил, о детях, и решил судьбу не искушать.

– Есть еще один вариант, – заметил Колычев. – Не было никакого воровства, а сама гражданка Мотылькова спектаклю перед нами разыграла.

– Но ведь деньги пропали...

– Пропали. Но почему мы решили, что все было именно так, как рассказывала Мотыль-кова? Не факт, что она рассказала нам правду. Вдруг, наша Инесса Владимировна себе денежки присвоила, а нам поведала наспех сляпанную историю?

– Не исключено, – задумчиво произнес Елисеев. – Губфинотдел она до нашего появления не покидала, спрятать где-то здесь портфель не могла.

– Значит, передала сообщнику: мужу или любовнику. Но что-то не очень мне верится в это предположение.

– Верится – не верится, а проверить надо! В нашей профессии гадать по ромашке нельзя, – убежденно заявил Колычев. – Хороши мы с тобой будем, если позволим себя вокруг пальца обвести.

– Тогда что?

– Сначала почву прощупаем. Узнаем, что за фрукт эта Мотылькова. Поговорим с товарищами по работе.

Далеко ходить было не нужно. Подавляющее большинство советских административных учреждений города располагалось на одной улице. Губпромпит вообще находился в соседнем доме.

Там уже знали о чрезвычайном происшествии, приключившимся с Мотыльковой, так что появление сыщиков ни у кого не вызвало удивления. Здесь сыщики разделились: Колычев отправился к непосредственному начальнику потерпевшей, а Елисеев стал расспрашивать ее коллег. Сама Мотылькова отпросилась домой, сославшись на плохое самочувствие. Это очень помогло в расследовании – людей было легче вызвать на откровенность.

Часа через два сыщики встретились.

– Докладывай, – велел Колычев.

– Да особо-то нечего. Мотылькова со всех сторон характеризуется положительно: добросовестный работник, хороший товарищ, в политическом вопросе подкована, член РКП(б). На работе ее ценят и уважают.

– Что известно о личной жизни?

– Замужем. Супруг – рабочий на «Красном пролетарии». Двое детей. Говорят, что живут душа в душу. В общем, хорошие обычные люди. А начальник тебе что рассказал?

– Да то же самое, только другими словами. И секретарь партийной ячейки такую же характеристику выдал. Говорит, что ручается за Мотылькову головой. Не могла она взять деньги. Не могла – и все тут.

– Как бы после нашего визита разговоры плохие не поползли. Скажут, дыма без огня не бывает, а Мотыльковой тут еще работать и работать...

– Что поделаешь, крупная сумма пропала. А нам еще придется дровишек в этот костер подбросить. Двинули к прокурору.

– Зачем?

– За тем самым. Буду ордер на обыск у Мотыльковой просить.

– Что, веришь, будто деньги у нее дома окажутся?

– Не знаю, но проверить обязан. Хотя бы из принципа.

В кабинет прокурора Колычев зашел один, оставив Петра дожидаться в приемной. Вернулся, победно размахивая бумагой.

– Уломал-таки прокурора. Вот ордер.

– Долго ты что-то...

– Быстро только кошки рождаются. У нас прокурор – знаешь какой! Ему каждый чих обосновать нужно, а у нас с тобой только подозрения. На них, брат, далеко не уедешь.

Семья Мотыльковой проживала в коммуналке, занимая большую комнату в бывшем доходном доме. Дверь открыла сама потерпевшая. Голова ее была обвязана мокрым полотенцем.

– Еще раз здравствуйте, Инесса Владимировна, – сказал Колычев.

– Вы ко мне? – удивилась она.

– К вам, к вам...

– Но ведь я сама должна была к вам явиться во второй половине дня... Право слово, вы бы не утруждались. Я, хоть и неважно себя чувствую, но все равно бы пришла...

– Мы, собственно, по другому вопросу. Вот постановление на обыск. Ознакомьтесь, пожалуйста.

– Обыск! То есть вы решили, что это моих рук дело? – Женщина устало опустила на одинокий табурет в длинной прихожей. – Какой позор! Как я теперь в глаза людям смотреть буду!

Из дверей выглядывали любопытные лица соседей. Взяв парочку из них в качестве понятых, сыщики приступили к обыску.

Муж Мотыльковой был на работе, дети в школе. Никто не мешал.

Из общей кухни пахло подгоревшей пищей. Петр невольно сглотнул. С утра на ногах, а во рту и маковой росинки не было. И не понятно, когда еще перекусить удастся. Может, до самого вечера придется голодным ходить.

Сыщики вошли в комнату и осмотрелись. Особой мебелировкой она не блистала: двуспальная железная кровать, два топчана для сыновей, шкаф со скрипучими дверцами, стол, который использовали и как обеденный и как письменный, комод, несколько стульев. Над кроватью висела книжная полка. Обои пожелтели от сырости и местами отошли от стен. Возле буржуйки была сложена аккуратная стопочка дров.

– Ну что, приступим. У тебя как – опыт в таких делах есть? – спросил Колычев.

– Всякое бывало. Но не сказать, чтобы большой спец по этой части, – признался Елисеев.

– Все равно лучше, хотя бы с маленьким опытом, чем совсем без никакого. Начинай с правой стороны, я – с левой.

Они приступили к обыску. Колычев распахнул шкаф, раздвинул пропахшие нафталином вещи. Едва сдержался, чтобы не чихнуть: запах был ядреный.

Елисеев выдвинул ящик из старинного комода и в маленькой резной шкатулке из дерева обнаружил улов – свернутые в тугой рулончик совдензнаки. Пересчитал, вышло около трехсот тысяч. Петр только присвистнул.

– Откуда деньги?

– Наши, семейные. На поездку в Москву откладывали. Младшенькому наши доктора не могут диагноз поставить, вот и хотим отвезти в Москву, чтобы показать профессору, – пояснила Мотылькова.

Она взяла себя в руки и говорила спокойным тоном, хотя по-прежнему избегала смотреть на соседей. Стояла, ссутулившись и скрестив руки перед собой. На лице была полная отрешенность от происходящего.

– Ихние это деньги, – внезапно подтвердила понятая – женщина лет пятидесяти с красными натруженными руками.

– А вы откуда знаете? – удивился Колычев.

– Так Инесса давно рассказывала. Про тот, как к дохтуру ходила, про предписание евойные, о том, что копят на Москву потихонечку, – простодушно ответила женщина. – Промеж нас шибких секретов нетути. Когда под одной крышей живешь, ничего не спрячешь.

Триста тысяч – не шесть миллионов. Елисеев вернул семейные накопления на место.

Других результатов обыск не дал. Парусиновый портфель не нашелся, больше денег в комнате не было.

Извинившись перед Мотыльковой, сыщики покинули коммуналку.

- Отрицательный результат - тоже результат, - философски сказал Колычев. - Теперь будем знать с гарантией, что Мотылькова - честный человек. Сосредоточимся на других версиях.

- Ищем грустного? - догадался Елисеев.

- Ага.

- Как же найти его по такому описанию?

- Вернемся в угро, посмотрим сводки за месяц. Помнишь, я говорил тебе, что уже слышал о похожей краже?

Они зашли в свой кабинет.

- Ты как, проголодался? - участливо спросил Колычев.

- Да утром как поел, так и все... - признался Петр.

Борис словно читал его мысли.

- У меня тоже в брюхе заиграло. Сейчас организуем небольшой перекус.

С этими словами Колычев направился к выходу.

- Ты куда? - окликнул Петр.

- К Левину. У него всегда едой разжиться можно. Одолжу ситного чуток да сахаринчику. Глядишь, попьем чайку. А потом за работу.

Вернулся Борис вместе со смуглым «гимназистом», которого Петр видел на утреннем совещании.

- Осип, - представился Левин. - Для своих - просто Ося.

– Петр.

– Будем знакомы, Петр. Нам с тобой вместе трубить и трубить в уголовном розыске.

Левин пришел не с пустыми руками. Как и предполагал Колычев, «гимназист» оказался запасливым. У него удалось разжиться всем необходимым для чаепития, заменившего сыщикам обед.

– Ты ведь не местный, Ось? – спросил Елисеев, отхлебывая горячий сладкий чай.

– Точно. Что, в глаза сильно бросается?

– Да не то чтобы сильно... Просто говор у тебя не наш, – выкрутился Петр. – У нас на «о» налегают и многие слова переиначивают. Слышал, наверное?

– Ах, в этом смысле... Из Одессы я. Там родился и вырос, учился в одесской гимназии, хотел в университет поступить.

– К нам-то как занесло?

– Война... – Левин загрустил. – Родителей петлюровцы расстреляли во время погромов, прямо у меня на глазах. Я поклялся отомстить. Пошел в добровольцы, попал в Первую конармию товарища Буденного. Потом по комсомольской путевке направили в милицию, прямиком в железнорудский губрозыск. С той поры и ловлю преступников. Такая вот у меня незамысловатая биография...

– Извини. Не хотел тебе душу бередить.

– Ничего! Время такое... У всех горечи в жизни хватает. Эх! – вздохнул Левин. – Поскорей бы социализм построить! Тогда и заживем по-человечески! Как думаешь, построим?

– Обязательно построим. Недолго терпеть осталось, – кивнул Елисеев. – Соскучился народ по справедливости, по мирной жизни. Вот поборем врага внутреннего, а потом и внешнего, и начнем социализм строить. И нам не все же

за бандитами гоняться.

– При социализме бандиты вымрут как класс, – убежденно заявил Колычев. – Сами посудите: почвы для них неоткуда взяться будет. Разве что из личной склонности. Бывают такие гады, которым убивать и грабить просто в силу характера нужно, но их не очень много. А при социализме ученые придумают какую-нибудь штуку, чтобы характер вредный менять в положительную сторону. Наука – она чудеса творит!

В кабинет вошел Янсон.

– Обедаете, товарищи?

Сыщики вскочили.

– Да, товарищ Янсон. Присаживайтесь с нами.

– Рад бы, да некогда. В исполком вызвали. Что там по краже в Губфинотделе?

Колычев одернул рубаху, отпрапортовал коротко:

– Работаем.

– Что удалось выяснить?

– Путем обыска установили, что потерпевшая к краже отношения не имеет. Имеем словесное описание предполагаемого преступника. Скорее всего, кто-то из заезжих.

– Что, свои на такое неспособны? – прищурился Янсон.

– Уж больно хитрый способ придумали. У нас тоже не лаптем щи хлебают, но тут в ход очень интересную уловку пустили. Нет, не наши это, нутром чую.

– Продолжайте работать над этим делом. Вечером доложите.

– Есть, товарищ начальник.

Появление Янсона скомкало чаепитие, желание вести дальнейшие разговоры пропало. Левин ушел в свой кабинет.

– Да уж, Осипу не позавидуешь, – вздохнул Колычев. – На нем банда дровосеков висит.

Елисеев понимающе кивнул. Дровосеками этих бандитов прозвали за характерный способ убийства: всех своих жертв они рубили насмерть топорами, при этом не оставляя свидетелей. До ареста Чеснока сыщики считали, что он входит в банду дровосеков, но, как выяснилось на допросе, гражданин Никитин действовал самостоятельно.

Глава 7

Сыщики сели за оперативные сводки, разделив документы честно на две половины. Изучение бумаг заняло у них почти два часа, прежде чем Елисеев обрадованно воскликнул:

– Нашел!

– А ну-ка! – оживился Колычев. – Показывай, что у тебя.

– Вот! – торжествующий агент губрозыска третьего разряда ткнул пальцем в нужное место. – Наверное, ты об этом говорил.

– Сейчас проверим.

Колычев углубился в чтение. Дело было в Тамбове и тоже происходило в финансовом учреждении при большом скоплении народа.

– Ни хрена себе! – присвистнул сыщик. – Совсем сволочи страх потеряли! Это надо же – спереть портфель с деньгами у кассира губернской милиции.... И ведь,

что главное: какой к нему ключик подобрали! Знали, сволочи, что делают! Ну не мог тот пройти мимо рассыпанных на полу патронов!

– Верно. Начал патроны поднимать, отставил портфель в сторону, чтобы не мешал, а когда закончил, выяснилось, что портфельчик-то тю-тю... Тамошние ребята из губро уже землю, наверное, роют. Шутка ли, снова без зарплаты куковать! Ох, и злые они на вора после этого! – усмехнулся Елисеев, чьи симпатии по понятной причине были на стороне тамбовских сыщиков.

– Надо будет связаться с ними. Может, сведениями поделятся. Что-то они просто обязаны были накопать. Тем более и личный интерес в этом деле имеется, – сказал Колычев.

– Заодно и нашего кассира предупреди, чтобы начеку был. Не ровен час, повторяют шутку.

Колычев отправился на телеграф, отбивать телеграмму в тамбовское угро. Елисеев остался в кабинете, ждать посетителей.

В дверь постучали.

– Входите, – разрешил Елисеев.

Вошла Мотылькова. Замерла в нерешительной позе. По лицу видно, что недавно плакала. Ну, оно и понятно, после таких событий... Елисеев посмотрел на нее с сочувствием. Помнил то неприятное чувство неловкости, возникшее у него во время обыска.

– Я насчет показаний, – заговорила Мо-тылькова. – Вы велели во второй половине дня прийти.

– Да, все верно.

– Что мне делать?

Петр посадил ее за пустующий стол Колычева, нашел в сейфе пустой лист бумаги и положил перед женщиной.

- Пишите.

- Что именно? - вопросительно подняла глаза потерпевшая.

- Все, что связано с преступлением. И помните: важна любая мелочь.

Мотылькова кивнула и стала старательно выводить буквы. Даже со своего места, Елисеев видел, что у нее красивый почерк. Сам он писал как курица лапой - порой даже не мог прочитать написанное собственной рукой. На все губро была единственная печатная машинка, на которой работала пишбарышня - делопроизводитель. Порой она приводила в порядок каракули сотрудников розыска.

Закончив, Мотылькова аккуратно, чтобы не размазать текст, промокнула чернила промокашкой и отдала бумагу Елисееву.

- У меня все. Посмотрите, пожалуйста, все правильно?

Тот пробежался глазами, подтвердил, закончив читать:

- Да, порядок. Ничего не забыли?

- Написала все, что запомнила.

- Вы не обижайтесь на нас за обыск. Так полагается. Мы были обязаны вас проверить.

- Понимаю. Я могу идти?

- Да, вы свободны. До свидания. Мы вызовем вас, когда вы снова понадобится. Пожалуйста, в ближайшее время не покидайте город.

- Хорошо. С работы меня не уволили, так что я осталась на прежнем месте.

Выходя, женщина на пороге едва не столкнулась с Колычевым. Он деликатно уступил гражданке дорогу.

- Проходите, пожалуйста.

- Спасибо, - сухо поблагодарила женщина.

Колычев проводил ее взглядом.

- Показания снял?

- Снял. Будешь читать?

- Позже.

- Ну, как сходил? Есть новости?

- Есть. Преступников тамбовские не нашли, но им удалось отыскать портфельчик. Вор выбросил его по дороге. С портфельчика удалось снять пальчики, их сейчас по картотеке смотрят, но... боюсь, не найдут.

- Почему?

- Да все просто - орудовал преступник еще старой школы: хитрый и опытный. К нам такие редко попадают, у нас опыта маловато. Если только по случаю... - Колычев нервно дернул щекой. - Прежние сыщики хоть еще той сволочью были, но зубами впустую не щелкали. Думаю, имелись пальчики этого гада у них в картотеке, а, может, и фотокарточки завалялись.

- Так за чем дело стало? - не понял Елисеев. - Раз имеется архивная картотека, значит, можно найти субчика.

Колычев раздраженно усмехнулся.

- Да все за тем же: архивы Департамента полиции спалили к такой-то бабушке еще в семнадцатом, когда «временные» амнистию уголовной шушере объявили. А мы теперь, значица, это расхлебываем! - чуть не сплюнул на пол сыщик.

Он присел за стол, забарабанил пальцами.

– Ладно, будем исходить из того, что мы накопили: вор был не один – это раз! Два: орудовали не местные. Три: действовали нагло и с выдумкой, без всякого гоп-стопа, то бишь спецы старые и жизнью битые.

– И что это нам дает?

– А дает это нам следующее: околоточных нужно напярчь.

– Кого-кого?!

– Да наши так в шутку милиционеров из районных отделений зовут. Они, конечно, на старорежимное название обижаются, но тут дело такое... В общем, пусть пошерстят участки на предмет новых подозрительных лиц. Не такой уж большой у нас город, чтобы в нем, как сахар в кипятке, раствориться.

Елисеев с сомнением покачал головой. Среди районных милиционеров разной публики хватало. Кто-то с утра до вечера готов пахать, а кто-то выполняет обязанности спустя рукава. Такой порой дальше собственного носа не видит и видеть не желает.

Заметив недоверчивый взгляд Петра, Колычев насупился:

– Что, у тебя другие предложения есть? Говори...

– Надо облавы устроить, по местам злачным пройти, – выдал Елисеев.

– Ага, думаешь, денежки поперли такие дураки, что будут в малинах сидеть и нас дожидаться?! – хмыкнул Колычев.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Прошу читателя не искать города с таким названием на карте. Железнодорожск – собирательный образ северного города тех лет, в котором знающий человек может обнаружить черты, присущие литературной столице нашей родины – патриархальной красавице Вологде и индустриальному Череповцу.

2

Губернский уголовный розыск.

3

ЧОН – части особого назначения. Формировались для оказания помощи органам Советской власти. Часто привлекались для охраны важных объектов, в операциях ЧК и милиции. Прекратили свое существование в 1925-м.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dashko_dmitriy/my-iz-gubrozyzyska

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)